

Записки Александрова (Дуровой)...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРОВА (ДУРОВОЙ). Дополнение к Девушке-кавалерист. Москва. 1839. В типографии Николая Степанова. 362. (8).

В 1836 году появился в "Современнике" отрывок из записок Девушки-кавалериста. Не говоря уже о странности такого явления, литературное достоинство этих записок было так высоко, что некоторые приняли их за мистификацию со стороны Пушкина¹. С тех пор литературное имя Девушки-кавалериста было упрочено. Она издала "Девушку-кавалериста", потом "Год жизни в Петербурге"², а теперь вновь является на литературную арену с дополнениями к "Девушке-кавалеристу". Прежде нежели мы увидели эту книгу, мы прочли в одном из NoNo "Литературных прибавлений" прошлого года отрывок из нее, в котором Девушка-кавалерист описывает свое детство:³ боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок, с ее юношескою проказливостью, рыцарским духом, отвращением к женскому платью и женским занятиям, с ее глубоким поэтическим чувством, с ее грустным, тоскливым порыванием на раздолье военной жизни из-под тяжелой опеки доброй, но не понимавшей ее матери! И что за язык, что за слог у Девушки-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностию своего слога, этою живописною увлекательностию своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию. Глубоко поразил нас этот отрывок в "Литературных прибавлениях", и по выходе книги мы вновь перечли красноречивые и живые страницы дико-странного и поэтического детства Девушки-кавалериста. Мы приняли глубокое участие в ее потере *Манильки* и *тетери*, равно как и всего, что любила она в детстве и что вырывала у ней злая судьба, как бы закаляя ее сердце для того поприща, на которое готовила ее; вместе с нею мы любовались ее *Алкидом*, гладили его по крутой шее, чувствовали у щеки своей горячее дыхание его пламенных ноздрей...

Жизнь и странное поприще героини "Записок" поясняются несколько ее молодостью; но ее детство -- это богатый предмет для поэзии и мудреная задача для психологии.

Не все места в "Записках" так интересны, как "Некоторые черты из детских лет", но нет ни одного незанимательного, неинтересного.

В середине "Записок" выпущен огромный рассказ, помещенный в "Отечественных записках" под названием "Павильон"⁴. Для "Отечественных записок" это очень выгодно, но для "Записок Александрова" это очень невыгодно. Поговорим об этой прекрасной повести. Прежде всего скажем, что она очень растянута, без чего ей не было бы цены, не как художественному произведению, но как в высшей степени мастерскому рассказу истинного события. Герой повести -- *прекрасный ксендз Валериан*, сын ксендза-пробоща, мужа кроткого и религиозно-добродетельного. При красоте и молодости, Валериан был учен, красноречив, жизни примерно строгой, беспощаден к слабостям ближних. Начальство посылало его, двадцатилетнего юношу, для исправления кляштора⁵,-- и с неумолимою строгостию выполнил он это поручение. Через пять лет, по желанию отца своего, он определен был его помощником, или викарием. Все соседнее дворянство было в восторге от красоты и красноречия викария; когда он говорил проповедь, церковь была полна, а после тысячи приглашений следовали одно за другим; но викарий, к величайшему оскорблению приглашавших, ни с кем не хотел заводить знакомства. У хозяина дома, где нанимал он квартиру, был сад с павильоном; под разными предлогами, викарий выпросил себе этот павильон. В это время он на несколько дней отлучался из своего уезда, и с его возвращением павильон облекся непроницаемою тайною. Никогда не ходил в него викарий, никого не вводил в него, а между тем по ночам из него слышно было пение как будто женского голоса, с аккомпанементом арфы. Разумеется, о таинственном павильоне пошли разные толки. Жид Шлёмка, лично обиженный ксендзом, говорил под руку, что раз ночью в павильон провезена была дорогая мебель.